

Светлой памяти моей сестры посвящается
Автор

Шавлов Николай Михайлович

Последний визит
“Обыкновенная трагедия”

Действующие лица:

Голубева Елена Ивановна, 64 года, участковый врач, месяц на пенсии.

Голубев Иван Фёдорович, 65 лет, её муж, бывший учитель, пенсионер.

Лена, 18 лет, внучка, студентка медицинского университета.

Аркадий Васильевич Груздев, 65 лет, хирург-онколог, профессор.

Андрей Петрович Зеленцов, 35 лет, врач-онколог.

Евгения Ивановна, 60 лет, пенсионерка, соседка по палате, бывший бухгалтер.

Екатерина Андреевна, 28 лет, врач-педиатр, личный врач Вики.

Ольга Ивановна, санитарка.

Асипенко Анатолий Михайлович, 40 лет, бизнесмен.

Натasha, его жена, красивая женщина.

Вика, 14 лет, их дочь.

Первое действие
(страх перед неизвестностью)

Сцена 1

Палата в онкологической больнице. На кровати лежит больная под "капельницей", слушает музыку. Тихо звучит мелодия тревоги. Одна кровать не заправлена. Входит санитарка с комплектом постельного белья. Не здороваются. Перестилает постель.

Санитарка *(с раздражением)*. А потише нельзя сделать?

Евгения Ивановна *(послушно)*. Пожалуйста. *(Выключает музыку)*.

Санитарка. И откуда они только берутся, эти больные. Место не успело остыть, а уже новая поступает.

Евгения Ивановна. А что, Мария не вернётся сюда из реанимации?

Санитарка. Нет, не вернётся. Её уже перевели туда, откуда не возвращаются.- В морг.

Евгения Ивановна. Мария умерла? Когда это случилось?

Санитарка. Сегодня, в восьмом часу. Ещё на ночной смене. А вывозить мне пришлось. Не успела приехать, а уже новая поступает. Откуда они только берутся, эти больные? *(Выходит)*.

Евгения Ивановна. Мария умерла... Так быстро. И операция прошла удачно, ходить уже начинала, радовалась, считала, сколько лет ещё проживёт. Не подсчитала. Только за один месяц на этой койке трое лежали и все умерли. Неудачная койка.

Сцена 2

Входят Елена Ивановна, Иван Фёдорович, Лена, санитарка.

Санитарка *(неприветливо)*. Вот ваша койка. Устраивайтесь. *(Выходит)*.

Иван Фёдорович. Ты только не волнуйся, всё будет нормально. Подойди к Аркадию, поговори.

Елена Ивановна. Попозже. Сейчас с чем идти? Человек он занятый. У него есть плановые обходы. А сейчас что я ему покажу? Сначала надо обследоваться. Потом подойду. *(Внучке)* А ты не волнуйся. Отдохни после сессии. Всё будет хорошо, вот увидишь. Идите, идите домой.

(Иван Фёдорович и Лена выходят).

Елена Ивановна *(крестит их вслед)*. Храни вас, Бог. *(Обращается к соседке)*. Меня зовут Елена Ивановна. А Вы давно здесь?

Евгения Ивановна. Второй месяц пошёл. Операцию сделали, сейчас "химию" получаю. За месяц на вашей койке уже трое лежали. *(Прикрывает рот, сказав лишнее)*. Наш профессор говорит, что всё будет хорошо. Я надеюсь. Операция успешно прошла. Вот "химия" тяжело переносится. Врачи знают, что делать, говорят надо ещё потерпеть. Потерпим. А это Ваш муж был?

Елена Ивановна. Да, муж и внучка. Лена - студентка, будущий врач. Мечтает хирургом стать, как её отец. Я врачом почти 40 лет отработала, сын и невестка врачами были. Вот внучка собирается традицию продолжить.

Евгения Ивановна. Династия врачей. Это замечательно.

Елена Ивановна. Да-а. Хорошая девочка растёт, чуткая, внимательная. Не знает она, какой это тяжёлый крест - работа врача. Дай Бог замуж хорошо выйти. А если за врача, всю жизнь концы с концами сводить придётся. Зарплата врача достойную жизнь не обеспечит. А про старость и говорить не приходится. Это мы только сейчас понимаем. А когда молодые были, как Алёнка, тоже были романтиками, видели только парадную сторону профессии. И про деньги как-то не думали.

Евгения Ивановна. А без денег плохо. Вон, лекарства какие дорогие. И в больнице врачу надо дать, медсестре, санитарке. Куда ни повернись, деньги везде нужны. Слава Богу, дети помогают. Они у меня хорошие, и зарабатывают неплохо. Оба сына в бизнес пошли после института. Я поначалу очень боялась за них, переживала, да и сейчас боюсь. Но, слава Богу, всё идёт нормально, зарабатывают хорошо и мне помогают. Если б не их помощь, даже не знаю, что б я делала. На одну пенсию, попробуй, проживи. Вам же дети тоже помогают?

Елена Ивановна. Нет. Сын с невесткой погибли в автокатастрофе. Восьмого марта десять лет исполняется. Внучку растим вместе с мужем. Оба на пенсии. Муж два инфаркта перенёс. Я работала до последнего, месяц как на пенсии. Тяжело стало, здоровье подвело. Почти сорок лет отработала на участке, полгода не хватило до круглой даты. Пришлось уходить... Теперь вот сюда попала.

Евгения Ивановна (*смотрит на часы*). Что-то доктор сегодня опаздывает. К этому времени обход обычно заканчивался. Обед скоро, а доктора ещё нет.

Елена Ивановна. Ну, у него ж не один обход, много всяких дел. Придёт. Нам всё равно спешить некуда.

Сцена 3

Входит палатный врач. Аккуратно одет. Корректный. Всем видом показывает, что ему некогда.

Андрей Петрович. Добрый день! (*Присаживается возле Евгении Ивановны, листает историю болезни*). Как Ваши дела? Как переносите капельницы?

Евгения Ивановна. Плохо. Голова сильно болит. Может, лекарства какие есть, чтоб не так болела?

Андрей Петрович. Головы мы здесь не лечим.

Евгения Ивановна. А сколько ещё капельниц понадобится?

Андрей Петрович. Столько, сколько надо. Ваше дело лежать, наше дело лечить. А сколько ещё понадобится, будет видно.

(Открывает папку с историями болезней. Звонит сотовый телефон). Алло. Нет, сейчас не могу. У меня обход. *(Смотрит на часы, потом на Елену Ивановну, в папку с историями болезней).* Через 20 минут выеду. Ждите. *(Присаживается у кровати Елены Ивановны).* Голубева Елена Ивановна? 64 года, пенсионерка.

Елена Ивановна. Да.

Андрей Петрович. Что случилось? (*Листает историю, не глядя на больную*). Так, а где результаты обследования? Два анализа, гастроскопия и УЗИ. И это всё? А где компьютерная томография? С таким диагнозом...

Елена Ивановна (*оправдывается*). Не сделала, там очереди большие, больше чем на месяц.

Андрей Петрович. Есть платные услуги, было бы быстрее.

Елена Ивановна. Это так, но одно обследование стоит столько, сколько вся моя пенсия.

Андрей Петрович. А что я могу сделать? Будете здесь ждать, койку занимать.

Елена Ивановна. А долго ждать придётся?

Андрей Петрович. Может недели две, когда место дадут. Лежите, мне что. *(Телефонный звонок).* Сейчас, сейчас выезжаю. *(Выходит из палаты).*

Евгения Ивановна. Вот так всегда, всегда спешит. Говорят, где-то в фирме работает, пьяных из запоя выводит. Видно, хорошо зарабатывает, на новой иномарке ездит.

Елена Ивановна. Это хорошо, когда доктор работает и может заработать нормальные деньги.

Евгения Ивановна. А вот наш профессор, Аркадий Васильевич, врач от Бога, руки золотые, работает не меньше, чем Андрей Петрович. Нет, куда больше. В восемь утра уже на работе, а часто и в восемь вечера лампа горит в кабинете. Много работает человек, очень много. А для больного всегда время найдёт. Перед операцией зайдёт, поговорит, поддержит. После операции обязательно придёт, и не один раз. Много работает человек, сколько добра людям сделал. А ездит на старом “жигулёнке”.

Елена Ивановна. Что здесь скажешь? Много работать и хорошо зарабатывать - это не одно и то же. Раньше всё проще было. Врачи почти все работали на полторы ставки и шутили по этому поводу: если работать на одну ставку - есть будет нечего, если работать на две - есть будет некогда. Небогато жили, но на жизнь хватало. Профессор получал раза в два больше, и его положение в обществе как-то по-другому оценивалось. А теперь что?

Евгения Ивановна. Да, сейчас положение в обществе определяется толщиной кошелька. Но от работы это не всегда зависит, кто как устроится. Что поделаешь?

Елена Ивановна. Можно честно работать и концы с концами сводить. А можно и по-другому жить. И если доктор, и вообще любой человек, честно зарабатывает деньги, это хорошо. Плохо, когда нечестно. Но как их отличить, доходы трудовые и нетрудовые. Ну, этим пускай налоговая полиция занимается.

Евгения Ивановна. А в такой работе как ваша, вообще трудно оценить, сколько она стоит, эта самая работа. В теории все понимают, что она дорогого стоит, а на практике, попробуй, подсчитай. Я, как бывший бухгалтер, а сейчас больная, прикованная к постели, одно могу сказать: подсчитать можно часы отработанные, количество пациентов, сложность операции можно оценить. А сколько души своей затратил доктор, это никакая бухгалтерия не сможет подсчитать.

Елена Ивановна. Конечно, оно так. Работа врача - она особенная. Весь мир это давно понял. В любом обществе врач зарабатывает себе на достойную жизнь. Только у нас что-то не так. Медицину превратили в сферу обслуживания. Зарплаты такие, что только выжить можно. Если человек постоянно озабочен тем, как выжить, ему некогда задуматься над тем, как жить. А жизнь она такая короткая. Промелькнула как один день. В этом году 40 лет как институт закончила, в сентябре встреча будет, юбилейная. Доживу ли до неё, кто знает.

Евгения Ивановна *(неуверенно).* Доживёте. Какие наши годы?

Сцена 4

Третий день в больнице. Обход профессора.

Тихо звучит мелодия надежды. Входит санитарка, строго осматривает палату.

С а н и т а р к а. Ну, у вас здесь, кажется, порядок. Смотрите, чтоб мне замечаний не было. Наш профессор любит, чтоб порядок во всём был.

(Выходит. Входят профессор и Андрей Петрович с папкой).

А н д р е й П е т р о в и ч *(возле первой больной).* Больная Митрощенко. Прооперирована шестого февраля. Проходит курс химиотерапии. Последний анализ: лейкоциты две с половиной тысячи.

А р к а д и й В а с и л ь е в и ч *(с участием).* Как Вы себя чувствуете?

Е в г е н и я И в а н о в н а. Спасибо, доктор. Хуже чем было, но лучше чем будет.

А р к а д и й В а с и л ь е в и ч. Это Вы напрасно.

Е в г е н и я И в а н о в н а. Я реалистка, бывший бухгалтер. И понимаю, что две с половиной тысячи, это хуже чем три с половиной.

А р к а д и й В а с и л ь е в и ч. Нет, это не так. Медицина - это не бухгалтерия. Дважды два четыре в медицине не бывает. И высшая математика нам не всегда помогает. Медицина она и есть медицина, здесь свои законы работают. А в вашем случае так и должно быть. Это нормальная реакция на "химию" и Вы напрасно волнуетесь. *(Уверенно)* После вашей операции с такими анализами всё будет хорошо. Вот увидите.

Е в г е н и я И в а н о в н а. Спасибо, профессор. У Вас не только руки золотые, душа золотая у Вас. *(Пытается поцеловать руку профессора. Тот смущён).*

А р к а д и й В а с и л ь е в и ч. Вы что? Поправляйтесь, всё будет хорошо. *(Уверенно)* Обязательно будет. *(Подходит к Елене Ивановне, всматривается, узнаёт не сразу).*

А н д р е й П е т р о в и ч. Больная Голубева, 64 года, пенсионерка, поступила три дня назад. Суспицио ц-р панкреас. Не обследована. Проходит обследование.

А р к а д и й В а с и л ь е в и ч *(внимательно, с сочувствием).* Что случилось? Расскажите подробно. Что сейчас беспокоит? Как всё началось?

Е л е н а И в а н о в н а. Слабость и похудание. Неприятные ощущения в эпигастрии. Думала гастрит, сделали ФГДС, ничего серьёзного не нашли. Компьютерную томографию ещё не делали. Так что точного диагноза пока нет.

А р к а д и й В а с и л ь е в и ч *(пристально всматривается, берёт историю болезни).* Лена? Сергеева?

Е л е н а И в а н о в н а. Да, она самая. Кто бы подумал, что попаду к Вам?

А р к а д и й В а с и л ь е в и ч. Почему к Вам? Тебе не стыдно выкатать? К Вам. Почему сразу не подошла, не сказала. Вообще, раньше почему не приехала?

Е л е н а И в а н о в н а. Вы ж, извини, ты же такой занятый человек. И с чем бы я пришла? Со своими подозрениями? Муж сразу говорил, подойди к профессору. Но я решила, что всему своя очередь. Сделают КТ, будет какая то ясность. Всему своё время.

А р к а д и й В а с и л ь е в и ч. Хорошо, Бог с ними, с болячками, разберёмся. А просто так не могла зайти поговорить, друзей вспомнить?

Елена Ивановна. Но ты ведь так занят. И к тому же, кто ты и кто я? Ты профессор, известен в мире. А я простой участковый педиатр. Вот отпахала на участке почти 40 лет, немножко не дотянула до круглой даты, сил не хватило. Надеялась ещё внучку на ноги поставить... Я ведь на пенсии только месяц, трудно свыкаться с новым положением. Но ничего не поделаешь. Жизнь как-то очень быстро промелькнула.

Аркадий Васильевич. Так, летит наша жизнь. А нам всё некогда, некогда. Жить некогда. Давай живот посмотрим. *(Пальпирует живот. К доктору)* Когда КТ будет?

Андрей Петрович *(смотрит в папку)*. Через две недели.

Аркадий Васильевич. Позвоните и скажите, чтоб сделали завтра.

Андрей Петрович. Но там же очередь.

Аркадий Васильевич. Передайте, что я сказал. Я сам позвоню. А результаты мне сразу на стол.

(Выходит из палаты).

Андрей Петрович. Почему Вы не сказали, что Вы - доктор?

Елена Ивановна. Но Вы и не спрашивали. А вообще, какая разница? *(Андрей Петрович выходит, недовольно пожимая плечами. Остаются только больные)*.

Евгения Ивановна. Так Вы с профессором однокашники. Вам повезло. Но наш Аркадий Васильевич к каждому больному подходит как к своему близкому. И откуда только силы берутся? Дай Бог ему здоровья.

Елена Ивановна. Характер такой. Он ещё студентом отличался. Помню, после третьего курса у нас первая практика была, сестринская. Так вот, после практики в институт пришла коллективная благодарность Аркадию, на имя ректора. Десять женщин подписали. Мы долго над ним шутили, что он такое сделал, что сразу десять женщин благодарность написали. Потом наши пути разошлись. О его успехах мы узнавали только из газет. И всегда гордились: наш Аркадий. А он таким и остался, молодым душой. Вот только виски седые. Годы, годы... И когда они только пролетели?

Сцена 5

Визит профессора перед операцией. Елена Ивановна одна в палате, читает книгу. Звучит мелодия надежды. Входит профессор.

Аркадий Васильевич. Добрый вечер! Извини, раньше не мог зайти.

Елена Ивановна. Какие извинения, спасибо, что зашёл. Рада тебя видеть.

Аркадий Васильевич. В другом месте и при других обстоятельствах было бы намного радостнее. Волнуешься?

Елена Ивановна. А что мне волноваться? Ты сам будешь оперировать?

Аркадий Васильевич. А ты бы как хотела?

Елена Ивановна. Известно как. У тебя рука лёгкая, все это знают.

Аркадий Васильевич. Ну, как скажешь, так и будет. Конечно, сам. Только ты не волнуйся. Сделают укол, уснёшь. Проснёшься уже в реанимации. Больно будет, скажешь, укол сделают.

Елена Ивановна. Да я не боюсь этого, возле меня внучка ж будет. Надеюсь, ей разрешат. Она студентка, на втором курсе. Хирургом мечтает быть.

Аркадий Васильевич. Ну, реаниматологи не любят, когда посторонние в отделении. Я скажу заведующему, должны же быть хоть какие-то льготы для коллег. Небольшая льгота, если внучка поможет ухаживать.

Елена Ивановна. Дело не только в уходе. Родная душа будет рядом, смотришь, и на ноги быстрее встану.

Аркадий Васильевич. Встанешь. Мы не даём больным после операции залеживаться.

Елена Ивановна. Знаешь, что меня больше всего пугает? Беспомощность. Умирать не страшно. Страшно быть обузой. Всю жизнь этого боялась. А когда заболела, был страх перед неизвестностью, пока диагноз не прояснился. Неизвестность - она всегда пугает. Сделали томографию, диагноз стал ясным и страх прошёл сам по себе. Ясно, что надо делать. Теперь знаю, что надёжные руки будут оперировать. Так что бояться нечего.

Аркадий Васильевич. Ну, я вижу, что с твоим оптимизмом, нет, с твоей жизненной философией, всё будет хорошо.

Елена Ивановна. Так оно и будет.

Аркадий Васильевич. А я вот вчера достал альбом нашего курса и ещё халат, на котором вся группа расписалась после последнего госэкзамена. Помнишь, что ты мне написала?

Елена Ивановна. Конечно, не помню. 40 лет прошло. Напомни, что.

Аркадий Васильевич. “Желаю стать светилом медицины!” Вот куда замахнулась.

Елена Ивановна. Почему замахнулась? Ты же им стал.

Аркадий Васильевич. Какое же я светило? Что особенного я сделал? Усовершенствовал несколько методик, послеоперационные показатели стали лучше. А что от этого изменилось в жизни? Люди стали счастливее? Или болеть меньше стали? Наоборот, больных с каждым годом становится всё больше. Новые корпуса построили, а места всё равно не хватает. Я вот, в конце своей карьеры, знаешь о чём подумал: медицина, я имею в виду и науку и практику медицинскую, развивалась как-то однобоко. Может в этом причина наших неудач?

Елена Ивановна. Что ты имеешь в виду?

Аркадий Васильевич. Сейчас объясню. За 40 лет работы многое изменилось: мы делаем операции, которые невозможны были раньше, современное оборудование не идёт ни в какое сравнение. Одним словом и техника и ремесло медицинское шагнули далеко вперёд, здесь прогресс явный. А результаты? Продолжительность жизни уменьшается. Онкология “помолодела” и не только онкология. Короче говоря, то, что мы называем прогрессом медицины, не сделало людей ни здоровыми, ни счастливыми. Так в чём же тогда прогресс?

Елена Ивановна. А причины в чём, как ты думаешь?

Аркадий Васильевич. Мне кажется, что произошёл какой-то перекос в подходе к человеку. Но по-другому и быть не могло. Вся медицинская наука строилась на материалистическом фундаменте. Мы с тобой изучали только одну философию, марксистско-ленинскую. И твёрдо верили, что материя первична, а сознание вторично. Только так и не иначе. А если ты по-другому думаешь, ты уже не наш человек. Сначала все дружно коммунизм строили, потом опомнились и увидели, что не то строим, не то, что человеку надо. Перестройку начали. Только вот и когда строили и когда перестраивали,

про главное забыли, про человека. А человек - он же не винтик какой то в государственной машине, и не машина, которую на части разобрать можно. У человека душа есть, что и делает его человеком. Так вот о ней-то, душе человеческой, мы совсем забыли. Как будто и нет её. Кто знает, может, потому и болезней так много стало, всё новые и новые появляются.

Елена Ивановна. Да-а... Вот про душу я с тобой полностью согласна. Мы очень долго были уверены, что Бога нет, души нет, и вообще здесь говорить не о чем. Но душа она есть у каждого. Именно она делает человека человеком. Разные люди, разные души. По-другому и быть не может.

Аркадий Васильевич. Знаешь, я вот наблюдаю за больными и вижу как по-разному болезни протекают. И послеоперационный период по-разному проходит. И умирают люди по-разному. (*Смутился, сказав лишнее*). Извини.

Елена Ивановна. Все мы смертные. Возможно, что достойная смерть напрямую связана с жизнью. Что заслужила душа здесь, так и закончит человек свой земной путь.

Аркадий Васильевич. На Западе сейчас активно развивается психосоматическая медицина. Очень интересное направление. Но мне кажется, что у нас, я имею в виду Россию и Беларусь, это должно идти по-другому, в тесном контакте с церковью. Но это мои мысли, я ни с кем их раньше не обсуждал.

Елена Ивановна. Вообще, то, что мы долго жили без церкви, без Бога в душе, всё это наложило свой отпечаток... Когда я начинала работать, педиатрия была совсем другой, наши проблемы были другими. А сейчас у меня на глазах выросли два поколения, третье появляется на свет, и знаешь, как тяжело стало работать. Я не нагрузки имею в виду, это не страшно. На душе становится тяжело, когда смотришь на молодёжь, на вчерашних детей. В соседнем доме, это мой участок, две недели назад похоронили парня, 19 лет. Передозировка наркотиков. И это далеко не первый случай, с каждым днём их становится больше и больше. Это так страшно, когда родители хоронят своих детей. Он вырос на моих глазах, обычный мальчишка, вежливый такой был, всегда здоровался. У меня и сейчас душа болит, может, и я что не досмотрела, что-то упустила...

Аркадий Васильевич. Вроде мы всё правильно делаем, но не можем справиться с эпидемией наркомании. СПИД, который идёт вместе с наркотиками, здесь вроде понятно, что вирус делает своё дело. А эпидемия наркомании - это эпидемия, которая идёт на уровне души. Души сначала болеют, а вирус уже потом добывает тело. Вот я о Западе говорил, эпидемия ж оттуда началась. Что-то с душами случилось. Видно и защиту надо искать в этом направлении. Может быть какие-то болезни души, которые мы пока ещё не знаем - они первичные, а эпидемии вирусные - вторичные. Все мы считаем, что загрязнение окружающей среды привело к росту заболеваемости. Экология - наука интересная, и придёт время - она ещё даст свои результаты. Но мне думается, что должна родиться новая наука - экология души. И я надеюсь, что многие проблемы, которые непосильны для нас сегодня, смогут решить наши дети и внуки.

Елена Ивановна. Жаль только, жить в эту пору прекрасную

Уж не придётся ни мне, ни тебе.

Я вот опять о душе хочу сказать. Этот парень, о котором я говорила, его взгляд, его глаза я помню и сейчас. Мы встретили его с Иваном за два дня до смерти, и

он впервые не поздоровался. А глаза его... Взгляд был такой, будто смотрит он на нас откуда-то издалека. Глаза - зеркало души. А я всё время думаю, если б заглянули в эту душу, поговорили с парнем, может быть, и не было бы этой трагедии. Кто знает?

Аркадий Васильевич *(со вздохом)*. Да... кто знает? И кому это дано знать? Как заглянуть в чужую душу, когда тебя не просят об этом? Знаешь, у меня тоже камень на сердце, уже который год. Ты же Юрку Козлова помнишь?

Елена Ивановна. Из 12 группы? Помню. Так он же умер.

Аркадий Васильевич. Да, вот сколько лет прошло, а я и сейчас помню его глаза. Но про это в другой раз. Поздно. Засиделся я, пора домой.

Елена Ивановна. А мне почему то вспомнился выпускной в институте и знаешь что я вспомнила?

?

Вальс, который мы с тобой танцевали. Ты был такой хороший танцор. И сейчас помню, как голова кружилась в вальсе.

Аркадий Васильевич. А я твой голос помню. Картошка на первом курсе. Кто запевакой был? Ленка Сергеева. И потом на встречах... А на обходе я тебя не сразу узнал, годы сделали своё дело. Но слышу голос знакомый, присмотрелся - Лена. Поговорить тогда времени не было. А дома воспоминания нахлынули. Достал наш альбом, как раз наша группа поёт на встрече.

Боже, какими мы были наивными,

Как же мы молоды были тогда.

Но, пора домой. Завтра трудный день. А ты только не волнуйся.

Елена Ивановна. А я не волнуюсь. Я знаю, что всё будет хорошо. И вальс на встрече мы с тобою станцуем.

Аркадий Васильевич. Обязательно станцуем. Считай, что я тебя уже пригласил. Ну, бывай, до завтра.

Выходит из палаты. Звучит вальс-воспоминание.

Сцена 6

Коридор перед операционным блоком. Белая дверь, надпись "Операционная". Проходят медсёстры, врачи. В углу коридора, чтобы никому не помешать, стоят Алёнка и Иван Фёдорович. Мелодия надежды сменяется мелодией тревоги.

Иван Фёдорович. Третий час пошёл. Хоть бы всё хорошо было.

Алёнка. Не волнуйся, дедушка. Сам профессор оперирует. Ты же знаешь, какие у него руки. Всё будет хорошо, ты только не волнуйся.

Входит санитарка со шваброй и ведром, наступает на Алёнку и Ивана Фёдоровича.

Санитарка. Посторонним здесь находиться запрещено.

Алёнка. Мы не посторонние. Там мою бабушку оперируют. Она сама врач, сорок лет врачом отработала.

Санитарка. Врач не врач, если на операционном столе, значит пациент. Врачи у нас свои. А остальные - посторонние. Понятно? Вот и ожидайте в другом месте.

(Иван Фёдорович достаёт деньги из кошелька, кладёт их в карман санитарке).

Иван Фёдорович. Мы же здесь никому не мешаем. Операция скоро должна закончиться, мы надеемся профессора увидеть.

Санитарка. Ну, ладно, ждите. *(Выходит)*.

Иван Фёдорович *(с горькой усмешкой)*. Как всегда. Просто так нельзя, запрещено, а за деньги ... даже место в коридоре можно купить.

Звучит мелодия надежды. Из операционной выходит профессор с маской на шее, выжатый, как лимон. Мелодия обрывается. Иван Фёдорович и Алёнка подходят к профессору.

Иван Фёдорович. Что там?

Аркадий Васильевич. Плохо, всё плохо. *(Вытирает пот со лба)*.

Иван Фёдорович *(испуганно)*. Живая?

Аркадий Васильевич. Да не пугайтесь, живая. Но опухоль проросла так, что только анастомоз можно было сделать. Потому и операция так затянулась.

Иван Фёдорович. И что дальше?

Аркадий Васильевич. На какое то время станет легче после операции, но не надолго. А потом... опухоль будет расти, и там уже ничего не сделаешь. *(Алёнка плачет на плече у деда. Профессор обращается к ней)*. Не надо плакать. Успокойся. Скоро бабушку заберут в реанимацию. Побудешь возле неё, я договорился с зав. отделением.

Все выходят.

Занавес.

Второе действие

Сцена 7

Квартира Елены Ивановны. Очень скромная обстановка. Много книг. Старый телефонный аппарат. На стене портреты сына и невестки. Елена Ивановна ждёт мужа и внуку, смотрит в окно, зябко кутается в старый платок. Подходит к портретам.

Елена Ивановна. Простите, дети. Первый раз за десять лет не поехала к вам. Погода плохая, такая, как и в тот день. *(Смотрит на портрет сына)*. Ты после дежурства пришёл, с мимозами, весь замёрзший. Вот и сегодня такая же погода, никуда не годная. *(Молча стоит перед портретами)*. Десять лет... Десять лет... Как один день. Ну что ж я стою? Скоро мои приедут, надо стол готовить. Первый раз за десять лет одни поехали, без меня. Простите, дети... *(Телефонный звонок)*. Кто-то вспомнил, что праздник сегодня. Поздравить решил. *(Снимает трубку)*. Алло, я слушаю.

Голос Анатолия в трубке *(взволнованно)*. Добрый день. Елену Ивановну можно пригласить?

Елена Ивановна. Я слушаю.

Голос. Добрый день, Елена Ивановна. Это Анатолий, Асипенко. Помните, У Вас на участке был такой.

Елена Ивановна. Да, помню. Вы в девятиэтажке жили, на девятом этаже.

Г о л о с. Да, да. Но мы давно уже там не живём.

Е л е н а И в а н о в н а. Что-то случилось?

Г о л о с. У меня дочь заболела. Ей 14 лет. Можно приехать к Вам сейчас?

Е л е н а И в а н о в н а. Я уже не работаю. Но что случилось? Доктор её смотрел?

Г о л о с. Доктор у неё каждый день, и сейчас возле неё.

Е л е н а И в а н о в н а. Так чем я могу помочь?

Г о л о с. У Вики третий день высокая температура. Врач сказала, что ангина. А сегодня посмотрела и нашла увеличенные лимфатические узлы. Она испугалась, говорит, срочно нужна консультация гематолога. Это может быть серьёзное заболевание крови. Но сегодня праздник... Простите, я Вас не поздравил. С праздником, Елена Ивановна!

Е л е н а И в а н о в н а. Спасибо.

Г о л о с. Ну так вот, праздник, где ж я гематолога найду. Сегодня пятница, два выходных впереди. Жена очень испугалась. Я позвонил матери, поздравил с праздником, и она сказала, что у меня что-то подобное было в детстве. Это она подсказала, чтобы я к Вам обратился, говорит, Елена Ивановна обязательно поможет.

Е л е н а И в а н о в н а. Так. Где Вы живёте? *(Берёт ручку и блокнот, чтобы записать визит).* Диктуйте адрес.

Г о л о с. Мы за городом живём, в Боровлянах. Если разрешите, я сейчас за Вами приеду.

Е л е н а И в а н о в н а. Приезжайте.

Сцена 8

Входит Иван Фёдорович. В руках держит две мимозы.

И в а н Ф ё д о р о в и ч. Хорошо, что ты не поехала. Погода очень плохая, такая, как и в тот день. Мы цветы положили, лампаду зажгли. Вот только приехали.

Е л е н а И в а н о в н а. А Алёнка где?

И в а н Ф ё д о р о в и ч. Пошла в магазин, что-то к обеду хочет купить. Скоро должна быть.

(Елена Ивановна собирает свой докторский саквояж).

Куда это ты собираешься?

Е л е н а И в а н о в н а. Мой бывший пациент позвонил, у него дочка 14 лет, я и не знала что такая большая выросла. Они уже давно в центр переехали. А сейчас он из Боровлян звонил. Так вот дочка заболела, а его мать посоветовала ко мне обратиться. Сейчас он приедет на машине.

И в а н Ф ё д о р о в и ч. И куда ж ты поедешь? Что, врачей больше нет? Мало тебе визитов? Сколько находилась за свою жизнь?

Е л е н а И в а н о в н а. О чём ты говоришь? Там ребёнок больной. И потом, это... это мой последний визит.

(Выходит переодеться. Звонок в квартиру. Входит Анатолий с большим букетом цветов и маленьким пакетом в руках).

А н а т о л и й. Добрый день, добрый день, Елена Ивановна. С праздником. Извините, что о враче вспоминаем, только, когда случается что-то. Это Вам Наташа, жена моя передала. Духи. Французские. Мы недавно в Париже были. Так что это настоящие французские.

Е л е н а И в а н о в н а. Спасибо, спасибо. Но такие деньги. Зачем всё это?

А н а т о л и й. Какие деньги. Извините, что о враче вспоминаем, только когда беда.

Е л е н а И в а н о в н а. Здесь нечего обсуждать. Я готова. Поехали.

Выходят.

Сцена 9

Прихожая в доме Анатолия. Входят Елена Ивановна и Анатолий.

Е л е н а И в а н о в н а. Хороший у тебя дом. И двор такой большой. Газоны уже зеленеют.

А н а т о л и й. Сейчас что. Летом здесь хорошо. Во дворе павлины гуляют. Сейчас они в вольере сидят, холодно.

Елена Ивановна раздевается и проходит в комнату. Девочка лежит на диване. Возле неё Наташа и Екатерина Ивановна, личный врач Вики. Звучит мелодия тревоги.

Е л е н а И в а н о в н а *(спокойно, приветливо).* Что случилось? Что сейчас болит?

В и к а. Горло болит и немного живот.

Е к а т е р и н а А н д р е е в н а *(переполнена страхом).* Третий день болеет. Вчера температура 39, миндалины увеличенные. Я решила, что обычная ангина. Антибиотик дала. А вот сегодня приехала посмотреть, и мне показалось, что печень и селезёнка увеличены. Я сразу подумала о гематологических заболеваниях. Ничего подобного раньше я не видела. Мне как-то не по себе стало.

Елена Ивановна внимательно осматривает Виду, считает пульс, слушает, пальпирует живот.

Е л е н а И в а н о в н а. Да, вы правы. Увеличены все лимфатические узлы, печень и селезёнка увеличены, ангина. Вы всё правильно определили, но я думаю, что это не гематологические проблемы. Скорее всего, это мононуклеоз.

Н а т а ш а *(испуганно).* А что это такое?

Е л е н а И в а н о в н а. Это вирусная инфекция, она бывает у детей. Ничего страшного в этом нет.

Мелодия тревоги сменяется мелодией надежды.

Н а т а ш а. А что надо делать?

Е л е н а И в а н о в н а. В инфекционную больницу надо ехать. Вы правы, доктор. Анализы надо сдать, так это сделают сразу в приёмном покое. Антибиотики здесь показаны, вы правильно сделали, что дали. Но в больницу всё равно надо ехать.

А н а т о л и й. Надо, значит надо. Собирайтесь. А это Вам, Елена Ивановна *(протягивает конверт).*

Е л е н а И в а н о в н а. Что это?

А н а т о л и й. Это Ваш гонорар.

Е л е н а И в а н о в н а. Какой гонорар? Я же просто так. И потом духи, цветы. Вы такие деньги потратили. Нет, я не возьму. *(Собирается выходить).*

А н а т о л и й. То был подарок, к празднику. А это Вы заработали. (*Кладёт конверт в сумку*). И не спорьте. За работу всегда надо платить. А работа врача - она особенная, её нельзя сравнить ни с какой другой. Я сам когда-то мечтал врачом стать. Не получилось. Закончил политехнический. Потом бизнесом занялся.

Е л е н а И в а н о в н а. Это хорошо. Работа всякая нужна, если она пользу людям приносит. А врачом... врачом Вы никогда бы не жили в таком доме.
Выходят.

Сцена 10

Квартира Елены Ивановны. Входит Алёнка.

А л ё н к а. А бабушка где?

И в а н Ф ё д о р о в и ч. Поехала на визит.

А л ё н к а. На какой визит? Что случилось? Какой визит? В её состоянии.

И в а н Ф ё д о р о в и ч. Позвонил её бывший пациент, на участке у неё рос. Его дочь заболела, вот он и вспомнил про Елену Ивановну. Я пытался отговорить, но ты же нашу бабушку знаешь. Да ты не переживай, за ней на машине приехали. Машина хорошая, я в окно видел. “Мерседес”. Почти всю жизнь она пешком проходила по визитам, в любую погоду... Так хоть сейчас на хорошей машине поехала.

А л ё н к а. Ну не для неё уже эти визиты, хоть и на машине.

И в а н Ф ё д о р о в и ч. Я ничего не мог сделать. Ты же бабушку знаешь. Ужинать будешь?

А л ё н к а. Нет, не хочу. (*Берёт альбом*). Я вижу, вы опять старый альбом доставали. Дедушка, мне всё время казалось, что вы что-то от меня скрываете, что-то не договариваете о гибели моих родителей. Это так?

И в а н Ф ё д о р о в и ч. Ну что ж, ты уже взрослая. Помнишь тот день, как всё это было? Отец твой вернулся с дежурства, цветы принёс маме и бабушке, тебе конфеты, твои любимые. Погода была очень плохая, такая же, как и сегодня.

А л ё н к а. Я помню.

И в а н Ф ё д о р о в и ч. Потом сели ужинать. Отец твой коньяк на стол поставил. Французский коньяк, бутылка такая красивая была. Вот, говорит, пациент отблагодарил. Выпили по рюмке. Твоя мама только пригубила, ей вечером на дежурство надо было. А мы с сыном ещё по рюмочке налили. Хороший был коньяк. Саша пошутил: спасибо пациентам, не дадут засохнуть. Хорошему врачу хорошие напитки приносят и не подозревают, что врач не знает, куда их девать. Потом пошёл отдохнуть. А вечером, когда Мария на дежурство собиралась, он говорит: погода совсем плохая и транспорт плохо ходит. Я тебя на машине подвезу. Мы с бабушкой хотели его отговорить, ты же коньяк пил. А он только рассмеялся, говорит какая же там доза? Поехали... и не доехали до больницы. Вечером подморозило и машину занесло. Перевернулись. Мама твоя погибла сразу, а отец через три часа в реанимации. Но одна беда не ходит. У него в крови нашли алкоголь. Кто мог подумать, что благодарность пациента такой бедой обернётся. (*Пауза*). Похоронили твоих родителей. А через неделю в газете появилась статья. Небольшая такая статья под названием “Обыкновенная трагедия, или пьяный за рулём”. Мы прочитали и сразу не поняли, что это - про нашего сына. Тон такой оскорбительный: врач, хирург сел

пьяным за руль. Мы таким вот жизнь доверяем. И название “Обыкновенная трагедия”. Разве трагедия в принципе может быть обыкновенной? И если мы к трагедии будем относиться как к чему-то обыкновенному, что с нами дальше будет?.. Подумать страшно. *(Пауза)*. Очень горько всё это было читать. Какой он человек был, какой врач - об этом ни слова. Будто так, никчемный человек. Всю жизнь сразу перечеркнули. Когда до нас дошло, что это о Саше... Извини, очень тяжело вспоминать всё это...

Ну, вот пришли мы в себя, и я решил в суд подать на журналиста. Но судебный иск у меня не приняли. Судья сказала, что мы ничего не докажем. Факт имел место, экспертиза показала. Я пробовал доказать, что речь не об этом, что честь сына надо защитить, достоинство человека. Но ничего не получилось. Суд такие иски не рассматривает. Кто-то сказал, что “мёртвые сраму не имут”. А как живым жить дальше после всего? Хотел я с журналистом встретиться, в глаза ему посмотреть, спросить, за что, за что такая обида. Не встретился. Вот тогда у меня и случился первый инфаркт.

А л ё н к а. Я помню. Прости меня, дедушка.

И в а н Ф ё д о р о в и ч. Не надо извинений. Жизнь она вся такая, чёрно-белая. А правда, она всегда одна. И ты должна её знать. Для нас это были вторые похороны. Лена держалась молодцом, только поседела сразу. *(Смотрит на часы)*. Шестой час. Пора уже вернуться с визита. Хоть бы ничего не случилось. *(Подходит к окну)*. Такая плохая погода, снова видно подморозило. Всё как в тот день.

Сцена 11

Возвращение. Первый гонорар.

Входит Елена Ивановна. Иван Фёдорович помогает ей раздеться.

И в а н Ф ё д о р о в и ч. Устала?

Е л е н а И в а н о в н а. Да, уже тяжело. *(Уставшая, садится в кресло)*. Только один визит на машине и так устала. А сколько же их было, и по двадцать и по тридцать за день, пешком.

А л ё н к а. А что там случилось?

Е л е н а И в а н о в н а. Думаю, что мононуклеоз. Девочка выздоровеет. Но родители очень испуганы. Да и врач молодая, но старательная. Опыта нет. Но это придёт с годами, не всё сразу. *(Разбирает сумку, достаёт конверт)*. Ну, вот и гонорар получила *(с усмешкой)*. Первый гонорар в жизни за визит. *(Открывает конверт)*. Что это? Доллары? Сто долларов. *(Растерялась, не знает что делать)*. Он что, с ума сошёл? Иван, надо вернуть эти деньги. *(Кладёт их назад в конверт)*. А я телефон не записала. Надо что-то делать. Иван, позвони на справку.

Иван Фёдорович звонит на справку.

И в а н Ф ё д о р о в и ч. Алло, Домашний телефон. Асипенко, Анатолий Михайлович, Боровляны.

Г о л о с. Номер снят со справки *(гудки)*.

Е л е н а И в а н о в н а *(растерянно)*. Но что-то надо делать. Сто долларов. Это ж почти две моих пенсии. За один визит. Это... это... Не понимаю, он что, сумасшедший? Это ж нетрудовые доходы. Надо что-то придумать.

И в а н Ф ё д о р о в и ч. Успокойся. Может и не надо ничего придумывать. Как он сказал? Гонорар? Ты что, его не заработала? Ты считаешь, что это большие деньги. Да, для нас с тобою это действительно большие деньги. А для

него? Я думаю, он правильно решил, что это разумная плата за твой труд. Почему нет? Сколько их, таких мальчиков и девочек прошло через твои руки, нет, через твоё сердце? Сотни? Тысячи? Сколько визитов ты сделала за свою жизнь? Твои дети выросли, стали политиками, бизнесменами, много кем стали. А кто из них вспоминает про своего участкового врача? Один вспомнил, когда понадобилось, и видно осознал, что она стоит - работа врача. А ты говоришь, нетрудовые. Какие ж они нетрудовые? Самые настоящие, трудовые, честно заработанные.

Елена Ивановна. Может быть ты и прав, но что-то тут не так... Что-то я не могу понять. В голове не укладывается... Такие деньги, и духи, и цветы. Сумасшествие какое-то... Непонятно мне... Я совсем расклеилась. Алёнка, сделай укол.

Алёнка готовит укол.

Сцена 12

Визит профессора.

Прошло два месяца. Елена Ивановна сидит в кресле, читает Библию.

Из репродуктора звучит голос Бичевской.

Какой нам век судьбою был отмерен

Никто из нас не знает до конца.

Никто ни в чём не может быть уверен

И каждый божий день как дар Творца.

Пусть мудрости нам в жизни всем достанет

И пусть нас грешных вера укрепит.

А эта жизнь тогда лишь лучше станет,

Когда народ наш веру сохранит.

Когда я перейду небесную границу,

Когда мирская пыль с моих стряхнётся ног...

(Выключает репродуктор).

Когда я перейду?.. Скоро. Теперь уже скоро. Но, слава Богу, я ещё на своих ногах.

Звонок в дверь.

Елена Ивановна. Сейчас, сейчас иду. Видно, Иван ключи забыл. Минутку. *(С трудом идёт к двери).* Сейчас, сейчас.

Входит Аркадий Васильевич. В руках торт и букет ландышей.

Аркадий Васильевич. Добрый день! Добрый день! Ну что, не ждала? Говорят, что незваный гость хуже татарина.

Елена Ивановна. Добрый день! Вот это неожиданность. Действительно, очень добрый день. Ну, ты хоть бы позвонил, предупредил заранее.

Аркадий Васильевич. А я специально не звонил, что бы ты не волновалась. Я же знаю, что ты должна быть дома. Решил нанести активный визит. Это тебе *(протягивает ландыши).*

Елена Ивановна. Спасибо тебе, большое спасибо! Какой аромат. Помнишь эту песенку “Ландыши, ландыши, светлого мая привет”.

Аркадий Васильевич. Конечно, помню. Только мне почему-то вспомнилась критика на эту песню. Писали, что она мещанская, и вообще,

советской молодёжи петь такие песни не пристало. А мы пели с удовольствием и сейчас помним эти песни. А вот что сейчас молодёжь поёт, ни слов не разобрать, ни мелодии нет.

Елена Ивановна. Да, оно так, у каждого времени свои песни. То были песни нашей молодости, видно, поэтому они и остались в памяти такими красивыми... Но что ж мы стоим? Проходи, садись. И как это ты выбрался? Я очень рада, что ты нашёл время для меня.

Аркадий Васильевич. Знаешь, я давно к тебе собирался, ещё в апреле хотел приехать, но всё как-то не получалось. А тут уже май на дворе, а я ещё пациентку свою не видел после операции. Вот и запланировал активный визит на сегодня. Погода отличная, солнце светит и возле метро бабулька ландыши продаёт, целая корзина. Ну, думаю, Алёне будет приятно.

Елена Ивановна. Ещё как приятно. Нет, на душе радость. И твой визит, и цветы. Действительно, чудесный день. Сейчас Иван придёт, стол накроем, потерпи немножко. Он вот-вот должен прийти.

Аркадий Васильевич. Нет, нет, никакого застолья. Это исключено. Только чай. Я же вообще не пью. Вот за чаем посидим, поговорим с удовольствием.

Елена Ивановна. Ну, хирург и чтобы не пил. Это как-то неправильно. Разве такое бывает?

Аркадий Васильевич. Вот и ты не лучше моих пациентов. Они же все как один считают, что хирург должен пить.

Елена Ивановна. А почему я должна быть лучше? Я тоже твоя пациентка.

Аркадий Васильевич. Ну, тогда расскажу, как я бросил пить. Вообще-то я никогда не любил спиртное, ты ж помнишь ещё из института. Но у хирургов работа такая, сама знаешь. Порой просто стресс снять надо. Ты Юрку Козлова помнишь, из двенадцатой группы?

Елена Ивановна. Помню. Это ж сколько лет, как он умер?

Аркадий Васильевич. А ты знаешь, что с ним случилось?

Елена Ивановна. Нет, не знаю.

Аркадий Васильевич. Ну, так вот, работал он хирургом в районе. Врач он был хороший, руки золотые и душа широкая. Но понемногу, понемногу начал выпивать. Говорят и на дежурство мог прийти нетрезвым. Так это было или не так, не знаю, но однажды на дежурстве он пропустил аппендицит. Утром, когда больную взяли на стол - разлитой перитонит, потом сепсис. Больная погибла, молодая женщина. Родные подали в суд, а меня привлекли в качестве эксперта. Я должен был ответить на один вопрос: виновен хирург или нет?

Елена Ивановна. За что же тебе такое испытание?

Аркадий Васильевич. Не знаю за что. Но я должен был сказать, что хирург виноват. Дали ему срок условно, от операций отстранили. После этого случая Юрка запил по-чёрному. И погиб как-то несуразно. Вскоре погиб. *(Пауза)*. А у меня на душе тяжесть. Будто это я подписал ему смертный приговор. Сколько лет прошло, а тяжесть на душе остаётся.

Елена Ивановна. Но где ж тут твоя вина? Зачем же так?

Аркадий Васильевич. Я вот всё время думаю, если б я другое заключение дал, жил бы Юрка и сейчас.

Елена Ивановна. Нет, так нельзя рассуждать. А если б такая история повторилась? Что б ты сказал тогда? Может ты своим приговором чью-то жизнь спас? Кто знает?

Аркадий Васильевич. Может быть оно и так, я как то не думал про это. Но это так страшно, судить. Наша с тобой работа трудная, а как судьёй работать? Не судите да не судимы будете. Я бы никогда не смог судьёй работать, не выдержал бы. Такой груз нести всю жизнь - судить кого-то. И как судить, чтоб и по закону было и по совести. А если закон с совестью не согласуется, тогда как быть? А вообще, законы кто пишет? Они ж тоже ошибаться могут, и не только ошибаться. Сколько таких законов было на нашей памяти. И судили по ним, приговоры выносили. *(Пауза)*. Нет, слава Богу, что мы с тобой в судьи не пошли. Наша работа куда лучше, особенно твоя, педиатра. Она мне представляется такой светлой, как эти ландыши.

Елена Ивановна. Да, оно так. У каждого своя работа и каждый человек должен быть на своём месте. Хорошо, когда так и происходит. Вот хирургом я бы ни за что не смогла работать. Помню, как в институте нам говорили, что у каждого хирурга за плечами своё кладбище. Какое ж оно большое у тебя, онколога, представить страшно. Как ты всё это выдержал, вынес на своих плечах?

Аркадий Васильевич. Да, всё это так. И каждый раз, когда неудача, умираешь вместе со своим пациентом. Но кого-то и спасти удаётся. Тяжкий это хлеб - хирургия. Вот и бегут молодые, кто куда. Кто за границу едет за лучшей долей, а кто здесь деньги зарабатывает. Слава Богу, сейчас и в медицине что-то можно заработать. Вот у меня двое учеников было, талантливые ребята. Руки хорошие и работать любили оба. А хирургией просто болели, фанаты были, одним словом.

Елена Ивановна. Почему были? Что случилось?

Аркадий Васильевич. Случилось... Оба уехали в Штаты, на пмж. Лучшей доли решили поискать. Конечно, их понять можно, романтикой труда семью не накормишь.

Елена Ивановна. Ну и как они там? Пишут?

Аркадий Васильевич. А никак. Писали раньше. А сейчас давно уже писем не получаю. *(Пауза)*. Погибли оба.

Елена Ивановна. Боже, Боже...

Аркадий Васильевич. Нет, они живые. Но как хирурги, как специалисты погибли. Один экзамены не выдержал, таксистом работает. Другому повезло больше, устроился эндоскопистом в госпитале. Первые годы писали, очень скучали. Оно всё понятно, молодые, полные силы, им бы работать да работать. Но к операционному столу доступ им был закрыт. Это только хирурги могут понять, что значит отлучить хирурга от любимой работы. Видно, судьба у них такая. Останься они здесь, всё б сложилось по-другому. Кто-то из них занял бы моё место, и мне было бы спокойно передать кафедру в надёжные руки. Да и другие перспективы были, не хуже. Главное, что работать умели оба, и работу любили. Лучшей доли поехали искать. Не нашли.

Елена Ивановна. Известно же, где родился, там и пригодился. Будем только надеяться, что там им не хуже, чем здесь.

Аркадий Васильевич. Материально, конечно лучше. Но ведь не хлебом единым жив человек. А вообще мне сама медицина представляется тяжело больной.

Елена Ивановна. Больная медицина? Парадокс. Н-да-а, как-то очень неожиданно. *(Пауза)*. Возможно, ты и прав, что-то не так делается. А что надо делать - не ясно. Может тебе, профессору лучше это видно?

Аркадий Васильевич. Да не одна медицина больная. Общество больное. А если государство сравнить с организмом человека, то экономика – это сердце, финансы, деньги – кровь, которую оно разгоняет по сосудам, культура в целом – это лёгкие.

Елена Ивановна. Откуда такое сравнение?

Аркадий Васильевич. А вот посмотри, больной бронхиальной астмой. Он живёт, только порой дышать ему трудно, кислорода не хватает.

Елена Ивановна. Так, так. Ну, а медицину с чем ты сравнишь?

Аркадий Васильевич. Я бы сравнил её с больной печенью.

Елена Ивановна. Интересно. Почему так?

Аркадий Васильевич. Потому что печень, она связана со всеми органами, но самое главное, когда с ней что-то случается, то долгое время *(подчёркивает)* это незаметно. А когда симптомы болезни появятся, им тоже долго не придают значения, пока катастрофа не наступит. А в организме всё связано, и когда болеет один орган, страдает весь организм.

Елена Ивановна. Да, всё это так. И лечить надо не болезнь, а больного.

Аркадий Васильевич. Так что, если одну медицину спасти, это мало что даст. Лечить надо всё общество, а это уже дело политиков. На мой взгляд, обществу надо хорошенько задуматься, в каком положении медицина оказалась сегодня и что будет завтра, если ей не помочь. И если молодые, трудоголики, бегут с этой страны, это симптом. Симптом серьёзного заболевания. Я не знаю, как диагноз поставить, но болезнь серьёзная и если не лечить её сегодня, результаты могут быть очень плохими. Сама знаешь, когда болезнь запущена, что случается. *(Смутился)*. Извини, я не то хотел сказать.

Елена Ивановна. То, то. Всё правильно. Какая разница, человек больной или общество. Болезнь она и есть болезнь. Всегда надо меры вовремя принимать. А мы... все мы смертные.

Аркадий Васильевич. Извини, пожалуйста.

Елена Ивановна. Не надо извиняться. А вот о будущем. Мы с тобой уже никуда не поедем. Я уже приехала, скоро последняя остановка. Тебе ещё даст Бог силы поработать сколько лет. А кто придёт после нас? На чьи плечи ляжет этот груз? Кто понесёт этот крест?

Пауза.

Входят Алёнка и Иван Фёдорович. Здравуются.

Аркадий Васильевич. А вот и оно, новое поколение. Есть кому эстафету принять. Здравствуй, племя, младое, незнакомое.

Елена Ивановна. Аркадий, ты бы поговорил с ней, хирургом хочет стать, как отец. Я пытаюсь отговорить, не женское это дело на мой взгляд. А ты что скажешь?

Аркадий Васильевич *(обращается к Алёнке)*. Я тоже считаю, что не женская это работа. Вместе со мной работали женщины-хирурги, хорошие специалисты были. Но ни у одной из них семья не сложилась, не получилось. Хирургия, она требует человека всего, без остатка. И если мужчина может себе позволить отдать всю жизнь работе, то у женщины другое предназначение на Земле. Поэтому подумай, хорошенько подумай, прежде чем делать окончательный выбор.

А л ё н к а. Спасибо, я подумаю. Четыре года впереди.

Е л е н а И в а н о в н а. Что такое четыре года? Сорок пролетели, как один день. Вся жизнь как миг. Пора пить чай. Алёнка, накрывай на стол. Иван, включи магнитофон. Где там наша песня?

Все садятся за стол. Алёнка разливает чай. Звучит романс. Елена Ивановна, Иван Фёдорович и Аркадий Васильевич подпевают. Нестройный хор звучит как раздумье об утраченных иллюзиях.

Романс из к\ф Дни Турбиных.

Целую ночь соловей нам насвистывал.

Город молчал, и молчали дома.

Белой акации гроздь душистые

Ночь напролёт нас сводили с ума.

Сад весь умыт был весенними ливнями,

В тёмных оврагах стояла вода.

Боже! Какими мы были наивными!

Как же мы молоды были тогда!

Годы промчались, седыми нас делая.

Где чистота этих веток живых?

Только зима и метель эта белая

Напоминают сегодня о них.

В час, когда ветер бушует неистово

С новой силою чувствую я:

Белой акации гроздь душистые

Невозвратимы, как юность моя.

Пауза. Все сидят задумчиво. Звучит мелодия-размышление. Медленно гаснет свет. Высвечено только лицо Алёнки.

Сцена 13

Молитва.

Ночь. На столе горит лампада. Елена Ивановна стоит перед иконой.

Боже милостивый!

Прости мне, Боже, что я так поздно пришла к тебе.

Прости мне, Боже, что сын мой умер некрещёным.

Прости мне, Боже, что мне не всегда хватало времени на своих родных и близких.

Прости мне, Боже...

Благодарю, тебя, Господи, за мои годы, которые казались мне такими долгими.

Только сейчас я вижу, какой это короткий путь – человеческая жизнь.

Господи, когда я думаю про твой крестный путь, я понимаю, что каждый человек проходит этот путь, и никто его не минет. А вот как он его пройдёт...

Господи, дай мне силы сделать мои последние шаги и удержать мой крест...

Господи, дай силы и мужество Ивану выдержать одиночество и достойно пройти свой путь, по которому мы шли вместе сорок лет.

Господи, дай силы Алёнке, пошли ей счастье в её женской доле.

Дай силы и здоровье Аркадию, помоги ему, Боже.

Господи, дай силы и здоровье Анатолию, чтоб он ещё долго мог работать, и чтоб не утратил, не погубил души своей.

Господи, дай людям возможность заглянуть в свои души... и не погубить их... ибо человек, погубивший душу, перестаёт быть человеком.

Господи, дай людям силы и разума, помоги им понять, что случилось с медициной.

Прости их господи, ибо не ведают, что творят.

Боже милостивый, дай мне силы донести мой крест...

Звучит колокол.

Сцена 14

Квартира Елены Ивановны. Портрет хозяйки в траурной рамке.

Равнодушный голос диктора из репродуктора: Сегодня праздник – день медицинского работника. Мы от всей души поздравляем представителей этой благородной профессии, желаем им добра, здоровья и благополучия и открываем наш праздничный концерт песней “Люди в белых халатах”.

Смерть не хочет шадить красоты,

Ни весёлых, ни злых, ни крылатых,

Но встают у неё на пути

Люди в белых халатах.

И дыхание станет ровней,

И страдания отступят куда-то,

Лишь нагнутся к постели твоей

Люди в белых халатах.

Сколько раненых в битве крутой,

Сколько их в тишине медсанбатов

Отнимали у смерти крутой

Люди в белых халатах.

И на свете тебя ещё нет,

И лишь только отроешь глаза ты,

Твою жизнь охраняют от бед

Люди в белых халатах.

Входит Иван Фёдорович.

Вечный подвиг, он Вам по плечу,

Ваши руки надёжны и святы.

Низко Вам поклониться хочу,

Люди в белых халатах,

Низко Вам...

Иван Фёдорович (*выключает репродуктор, с горькой усмешкой*).

Вечный подвиг... Ещё Вересаев писал, что работа врача – это подвиг ничем не оплаченный. Ничего не изменилось с той поры. Но Лена не любила эти слова про подвиг. Она всегда говорила: какой это подвиг. Это работа. И праздник этот она не любила. В прошлом году она как-то сказала, что он напоминает ей поминки, когда про медиков, как про покойников, говорят только хорошие слова. А в остальные дни их и не замечают, пока не понадобятся... Работа врача – это тяжёлый крест, который он несёт через всю свою жизнь. Елена достойно пронесла этот крест. (*Неумело крестится*). Царство ей небесное. Кто же, если не она, заслужила это царство.

Звонит телефон. Бодрый голос Анатолия.

Анатолий. Добрый день. Елену Ивановну можно пригласить?

Иван Фёдорович. А кто её спрашивает?

А н а т о л и й. Это Анатолий, Асипенко. Помните, я приезжал к Вам восьмого марта, у меня дочка болела. У нас всё хорошо, диагноз тогда подтвердился. Дочь давно поправилась. Я звоню, чтобы поздравить Елену Ивановну и пригласить к нам в гости. Сегодня праздник и мы вас всей семьёй приглашаем к нам. У нас сейчас хорошо, всё кругом зеленеет, павлины в саду гуляют. Приезжайте все вместе, мы будем рады всех вас видеть.

И в а н Ф ё д о р о в и ч. Но... но это невозможно.

А н а т о л и й. Почему невозможно? Я приеду за Вами на машине и назад отвезу. Если захотите, переночуете у нас. Для гостей у нас отдельные комнаты.

Пауза.

И в а н Ф ё д о р о в и ч. Елена Ивановна умерла.

А н а т о л и й. Как умерла? Когда? Что случилось?

И в а н Ф ё д о р о в и ч. Всё просто. Заболела, операцию сделали. К Вам она уже после операции приезжала.

А н а т о л и й. Как после операции? Я же ничего не знал.

И в а н Ф ё д о р о в и ч. Откуда Вам было знать? Кто ж у доктора спрашивает о его здоровье? А Елена Ивановна говорила в тот раз, что это её последний визит. И вообще спасибо Вам.

А н а т о л и й. Мне? За что?

И в а н Ф ё д о р о в и ч. За память. За деньги.

А н а т о л и й. Какие деньги? А это, это был её гонорар, она его заработала.

И в а н Ф ё д о р о в и ч. Это был первый гонорар в её жизни. Она так и не поняла, за что такие деньги. Пробовала позвонить Вам, но на станции не дали номер вашего телефона.

А н а т о л и й. Извините, мы были все так напуганы, я даже визитку забыл оставить. Но когда диагноз подтвердился, все вздохнули с облегчением. Но не об этом речь сейчас. Когда это всё случилось? И где похоронили?

И в а н Ф ё д о р о в и ч. Завтра девять дней со дня смерти. И завтра забираем урну из крематория, будем устанавливать на Северном кладбище.

А н а т о л и й. Если разрешите, я заеду за Вами завтра, вместе поедем.

И в а н Ф ё д о р о в и ч. Какое ж тут разрешение надо? Приезжайте. Завтра в десять ждём Вас.

А н а т о л и й. Я буду в десять. До свидания!

И в а н Ф ё д о р о в и ч. До свидания!

Сцена 15

Иван Фёдорович всматривается в окно.

И в а н Ф ё д о р о в и ч. Вот и дождь закончился. Скоро солнце выглянет. Видно хорошая погода будет. (*Смотрит на часы*). Что-то Анатолий задерживается, одиннадцатый час уже.

А л ё н к а. Подождём до половины одиннадцатого, да и поедем сами, если не будет.

И в а н Ф ё д о р о в и ч. Надо подождать. Он бы позвонил, если б что случилось. Видно, что-то непредвиденное. Подождём.

Звонок в дверь. Входит Анатолий.

А н а т о л и й. Добрый день. Извините, задержался. Я за венком заехал, там очередь небольшая, несколько человек, а продавца куда-то позвали. Пришлось ждать. Вот, опоздал на пятнадцать минут.

Иван Фёдорович. Ничего страшного. Присядьте. Чашку чая или кофе?

Анатолий. Нет, нет. Ничего не надо. Мы не опаздываем?

Иван Фёдорович. Успеем. В народе говорят, что туда всегда успеем.

Анатолий (*протягивает конверт*). Вот здесь небольшая сумма, возьмите.

Иван Фёдорович. Зачем? Мы похоронили, всё, как положено, сделали.

Анатолий. Возьмите. Это обычай такой, не нами заведено. И вот ещё что: мы когда узнали вчера с Наташей, решили, что будем помогать Алёнке, пока она учится. Тебе сколько ещё учиться осталось?

Алёнка. Четыре года.

Иван Фёдорович. Сейчас сессию сдаёт за второй курс. Одни пятёрки. Она у нас круглая отличница.

Анатолий. Так вот, пока будешь учиться, мы будем помогать материально, каждый месяц. Пусть это будет мемориальная стипендия, имени Елены Ивановны.

Алёнка. Спасибо Вам, добрый человек

Иван Фёдорович. Щедрая душа у Вас. Спасибо большое.

Анатолий. Это у Елены Ивановны щедрая душа была, её благодарить надо за всё, что она сделала. Алёнке есть с кого пример брать. Вообще, таких докторов, как Елена Ивановна, сейчас почти что и не встретишь.

Иван Фёдорович. Да, таких, как Елена Ивановна, мало осталось. Вымирают, как динозавры. Видно, климат наш им не подходит.

Анатолий. Новое поколение растёт, глядишь, и климат изменится к лучшему.

Иван Фёдорович. Вот и солнце выглянуло. Хорошая погода будет. Пора ехать.

Анатолий. Пора.

Все выходят. Высвечен портрет Елены Ивановны. Звучит песня.

Когда я перейду небесную границу,
Когда мирская пыль с моих стряхнётся ног,
Я буду там за вас по-прежнему молиться,
Храни Вас Бог, храни Вас Бог!

Шавлов Николай Михайлович

Тел. 8 0296 35 66 82

+375 29 635 66 82

09.08.2005г.